



А.М. Савин, А.И. Семёнов

О центрально-азиатских истоках лука хазарского типа.

// [Военная археология](#). Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб: 1998. С. 290-295.

Тезис о восточном и, точнее, центральноазиатском происхождении находок оружия в европейских кочевнических погребениях разных периодов — от раннего железного века до позднего средневековья присутствует в работах многих исследователей. Азиатские истоки найденных в южнорусских степях луков эпохи раннего средневековья также хорошо объясняются приходом с Востока самих носителей этого оружия. В восточной части степной Евразии, начиная с гунно-сарматского времени, обязательное присутствие лука в погребальном инвентаре засвидетельствовано резким возрастанием количества находок жёстких роговых или костяных его обкладок. Кажущаяся убедительность этих предпосылок избавляла исследователей от необходимости дополнительной аргументации данной гипотезы. При этом на европейский материал не всегда удачно переносили схемы развития лука, созданные на азиатских находках (например, отмеченное на памятниках (290/291)

Южной Сибири сокращение числа обкладок в древнетюркское время — Гаврилова, 1965, с. 88; Хазанов, 1966; 1971; Курманкулов, 1980). На центральноазиатские материалы также не всегда оправданно переносились элементы европейских конструкций, иногда даже северного древнерусского оружия (составная из двух разных пород древесины кибить — Овчинникова, 1990, с. 67 по: Медведев, 1966).

И все же конкретные наборы обкладок из погребений кочевников южнорусских степей существенно отличаются от известных синхронных или предшествующих азиатских комплексов деталей лука. В погребениях гунно-болгарского круга (сивашовский горизонт) с ориентировкой на северо-восток, как и в могилах аварского периода Карпатской котловины часто встречаются жёсткие «клиновидные» концевые обкладки фронтальной плоскости (фронтальные и тыльные), не известные в том же материале (кость или олений рог) на луках, открытых в Центральной Азии.

Применительно к аварским образцам эти различия специально отмечались А.А. Гавриловой (1965, с. 88), но без учёта количества обкладок и без должного обоснования они считались только проявлением «более низкого уровня в изготовлении луков». Находка из Синьцзяна (Bergman, 1939) подтверждает, что эти концевые обкладки фронтальной плоскости делались на востоке не из жёстких, а из утрачиваемых материалов (мягкий рог быка, древесина и т.п.).

По нашему опыту, принципиальные особенности конструкции лукой убедительно определяются не по количеству сохранившихся деталей, а по существенным, но не всеми различаемым признакам технологии, реконструируемым на жёстких обкладках независимо от их числа.

Среди раннесредневековых находок из раскопок А.Д. Грача в Туве, доставленных в Государственный Эрмитаж, наибольшим вниманием заслуженно пользовался комплекс (МТ-58-Х-2), с уникальным по сохранности и особенностям устройства колчаном (Грач, 1960; Савин, Семёнов, 1990). Лук из этого погребения, неоднократно рассматривавшийся исследователями, имеет значение для оружиеведения не только Центральной Азии. Раскопки последних десятилетий в южнорусских степях дали серию луков из курганов VIII-IX вв., сопоставимых по существенным деталям с восточными образцами, к важнейшим из которых принадлежит тувинская находка А.Д. Грача. Монгун-тайгинский лук иллюстрирует один из этапов становления новой технологии сборки оружия — соединение деталей встык. В Восточной Европе она возникает уже в сложившемся виде и без явных на этой территории исходных моделей. Внешним выражением нового способа сборки являются уступы на концах боковых обкладок рукояти по их тыльному

(291/292)

краю. Они уже привлекались для выделения самостоятельного типа обкладок (Овчинникова, 1990, с. 68), но ещё не получали удовлетворительного функционального объяснения. Уступы служили для упора торцов тыльных упругих плечевых пластин лука. Убедительной сделало такую реконструкцию открытие В.Д. Кубарева в урочище Джолин (1992, с. 27, рис. 4, 13-15), позволяющее проследить конкретное соединение утрачиваемых, как правило, частей. Вырезы деревянной основы рукояти лука из могильника Джолин-I образуют уступы, в которые упираются встык торцы гибких роговых плечевых пластин. Уступы жёстких боковых обкладок рукояти лука (МТ-58-Х-2) имеют то же назначение. Признак этот — непостоянный и редкий. Уступам на деревянной основе — кибити, или на жёстких боковых обкладках рукояти функционально соответствуют другие варианты соединения встык: торцы на концах тыльной обкладки рукояти или прямая стыковка торцов двух плечевых пластин друг с другом между боковых обкладок рукояти (Савин, Семёнов, 1997, с. 42, рис. 3, II, *вверху*). Наиболее очевидный признак соединения встык — торец. При отсутствии деталей с торцами сборка встык восстанавливается по косвенным, но вполне достоверным признакам.

Соединению встык предшествовало более архаичное, характерное для оружия гуннского времени, соединение внахлёт. При этом способе концы тыльных плечевых пластин наклеивали сверху на местах перехода плеч в жёсткие концы и рукоять лука. Соответственно, признаки этого вида сборки — остатки сборочных срезов на концах обкладок в этих местах. Характерно для сборки внахлёт применение тыльной обкладки рукояти, наклеивавшейся на специальный срез кибити и краев боковых обкладок. Косвенный признак сборки встык — охватывающие края боковых обкладок рукояти, исключаящие наклеивание внешней тыльной, — при этом нет сборочных срезов и на концах этих обкладок по их тыльной кромке, что исключает здесь наложение сверху плечевых пластин. Не следует путать их со срезом передней кромки обкладок — для наклеивания сухожилий (Савин, Семенов, 1997, с. 42, рис. 3, II, *внизу*).

Может быть отмечен целый набор параллельных культурных трансформаций, несинхронизированных пока с желаемой точностью у европейских и азиатских кочевников раннего средневековья. Например, замена преимущественно меридиональной ориентировки погребённых на широтную. В восточноевропейских степях эта трансформация, ощутимая для конца VII в., сопровождается другим важным изменением в обряде: на смену впускным, меридионально ориентированным захоронениям, приходят основные (широтные), над которыми сооружаются

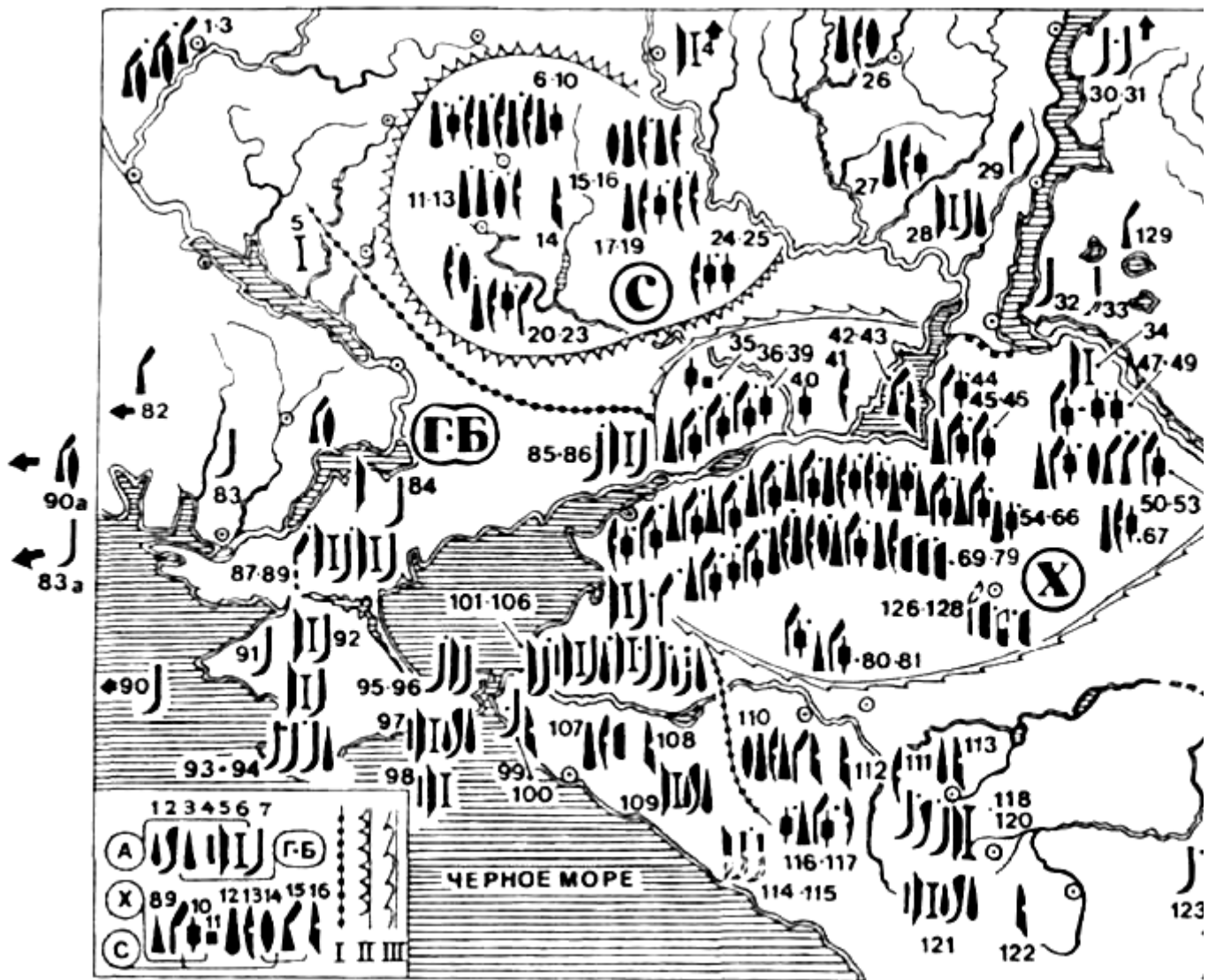
(292/293)

насыпи, дополняющие специфическое архитектурное оформление околomoгильного пространства. Две эти разновидности памятников сопоставимы в южнорусских степях с

определёнными этнокультурными образованиями. Первая — с населением Великой Болгарии, вторая — с создателями и главными носителями хазарской государственности, центральноазиатскими тюрками (Семёнов, 1988, карта).

С этими культурными трансформациями у населения противоположных концов степного пояса Евразии соотносимо изменение способа сборки лука (от более архаичного соединения внахлест к соединению встык). Оно фиксируется приблизительно одновременно как в Центральной Азии, так и у восточноевропейских кочевников, но в Европе эта смена не оставила следов эволюции, тогда как на востоке отмечаются и переходные варианты. Лук болгарского типа Восточной Европы со сборкой внахлест сохраняет основные черты лука гуннского типа и не находит аналогий в принципиальных конструктивных деталях со сменившим его в конце VII-VIII в. на Дону, Волге и в Восточном Приазовье луком хазарского или центральноазиатского типа. Последний, созданный по способу соединения встык, появляется в Восточной Европе одновременно с резкой сменой погребального обряда, встречается исключительно в инвентаре неизвестных здесь прежде подкурганых погребений с яркими центральноазиатскими чертами. Таких находок становится всё больше (последние находки: Парусимов, Раев, 1995, с. 172; Парусимов, 1996, с. 237-238). Используемая нами методика изучения и фиксации лука (Савин, Семёнов, 1990а; 1992; 1997), развивающая принципы выдающегося венгерского этнографа К. Шебештьена (Sebestyén, 1930; 1932), позволяет выделить разноуровневые признаки конструкции оружия, ведущими среди которых являются сборочные. Ещё одна примечательная особенность монгун-тайгинского лука — следы утраченных частей составных концевых обкладок. Применение жёстких составных концевых или рукоятных обкладок не всегда правильно понималось исследователями, а когда для обкладок использовались разные материалы (возможная комбинация кости и оленьего рога с утрачиваемым обычно бычьим рогом), в формальных типологиях появлялись искусственные типы луков, связанные с неверным определением их размеров и числа обкладок.

Как и уникальный лук из пещеры Камтыттукем на Алтае, сохранивший обкладки, составленные из разных материалов — жёсткого оленьего рога и редко сохраняющегося мягкого бычьего рога, или кости и ничьего рога, — оружие из Монгун-Тайги несло составные боковые обкладки, очевидно, нормальной длины, от которых уцелели лишь (293/294)



Границы ареалов луков: I (ГБ) — гунно-болгарский тип; II (С) — салтовский тип; III (Х) — хазарский тип. Типология обкладок: 1 фронтальная концевая; 2, 7, 9, 15, 16 — концевая боковая; 3, 8, 12 — тыльная концевая; 4 — фронтальная рукояти; 5, 10, 14 — боковая рукояти; 6, 11 — тыльная рукояти; 13 — фронтальная концевая (А «аварские»; 15 «венгерские»; 16 — «позднеаланские»).

[\(Открыть рис. в новом окне\).](#)

(294/295)

короткие концевые части, а вырезанные из утрачиваемых материалов продолжения этих обкладок восстанавливаются по косвенным свидетельствам: соединительному срезу на внутренней стороне сужающегося конца и явному продолжению насечки для наклеивания сухожилий на внешней стороне обкладок.

Авторы основных разработок по генезису раннесредневекового лука Южной Сибири считали, что уменьшение общих его размеров в древнетюркское время по сравнению с гуннским, вызвано сокращением длины обкладок (Савинов, 1981; Худяков, 1986, с. 142). Некоторое уменьшение величины лука в это время действительно происходит, но оно связано, главным образом, с сокращением длины рукояти (приблизительно от 30 до 17 см), зависящим от нового способа сборки. Использование составных обкладок, мало отличавшихся в среднем от их аналогов, изготовленных из целых заготовок, определялось не поисками новых форм оружия или его совершенствованием, а только размерами наличного сырья — длиной имевшихся у мастера кусков рога или кости. Это положение подтверждается тем, что традиция применения обкладки, состоящей из нескольких кусков, не ограничивается ни хронологически, ни территориально со времени начала употребления обкладок деревянной основы лука.

Выявленные принципиальные различия в конструкции близких по времени луков хазарского и гунно-болгарского типов позволяют не только уверенно говорить о разных истоках и разном времени появления в Европе соответствующих схем из Центральной Азии, но и делают детали

этих луков одним из наиболее показательных признаков для разделения болгарской и хазарской культур.

[наверх](#)